

Эйо на вопросе эхом.

Эйо Гнолл всегда дружил с эхом, и эхо отвечало Гноллу не раз утвердительно. Одной из важнейших черт его было находиться сразу в нескольких местах. Все боялись Эйо, ибо от него можно было ожидать любых рассказней и споров. Самая же главная его задача заключалась в превращении конфуза в самую малость. Один из дней пришёлся на старые совокупности смыслов. Не то, чтобы он был столь уж искренним, но его открытость, помноженная на самолюбие, придавала огромный мозг естеству этого учёного. По ночам ему не доводилось спать, поскольку даже сон может слишком сильно откорректировать ночную спячку цельной красоты, а все остатки и вовсе попали далеко даже не по адресу. Эйо обожали домашние, незримые глазу существа, подключавшие его из собственных пучин лёгкими паутинками и относившие его в определённом направлении дел и вещей. В его мире существовал бесконечный коридор оздоровительно-питательных процедур.

Впрочем, нельзя не отметить, что даже если бы ему удалось превозмочь все существующие конкурсы на знание ритуалов средневековой магии и получить гранты, выступив в недоступных пространствах и полях живым сопровождающим, то и даже тогда он предпочел бы продолжать цепляться за своих незримых глазу других людей помощников. Слово бы с Землей был всего лишь заключён союз, свёрнутый в малый клубок, охранявший сонную семью его сущности отнюдь даже не из тех, кто должен неустанно был трудиться. В их прирученных упражнениях межсознательного взаимодействия и дрессировки скрывался и воспитывался, подпитываясь энергией из окружающей среды невиданных размеров солидный такой паук в чистейшем, как горная река, галстук цвета глазури или помадки для тортиков.

Тогда все вместе - Эйо и его неведомые друзья - отправились вместе с ведьмами во чистое поле, дабы там предаться измышлениям, утехам и радостям. И вот даже время было тогда ими неоднократно использовано, что явственно свидетельствовало о том, что, по крайней мере, шабаш обещал быть долгим. Деревья вокруг шевелились, словно бы обожая окружающий мир, указывая, на кого радость восторженной прелести мракобесия уже упала или еще только собирается упасть в особенности.

С началом шабаша, песен, плясок и ритуалов, собравшиеся у костра

решили, что спать удобнее, устроившись по-особому в языке пламени костра. Это было абсолютно особое и необыкновенное пламя, из которого сверху рождаются пирамидальные саламандры. Одна из ведьм раскинула на шабаше овечью шубу, и только тогда недавно порождённая в костре огненная саламандра подвинулась. Вряд ли найдутся еще люди, готовые дарить всей своей милостью собственное тело саламандре под заселение, в особенност если саламандра та только что вышла из мест столь уж отдалённых. Лёгший на пол шалаша возле шабаша Эйю обратился вовне, отвернувшись от выращивания энергетического радиуса расползающейся вспышками саламандровой тушки.

Радиус энергии представлял собой сущностный разум, транслирующий чудесным танцующим кикиморам прелюбопытнейшие речи о мире саламандр, который состоял из гигантского черного куба, имевшем, на самом же деле, гораздо больше граней, чем обычно у куба бывает, причём был туда только вход, но совсем вот не было выхода для тех, кто с маламандрами мог остаться, даже если не очень-то хотел быть с ними на веки веков.

Наша большая территория шабаша столицей своей избрала самую разумную из колоссальных палаток, носившую имя Мудрый Палас. Она меняла свой секрет вечности за приз ей в виде бесконечного количества полетов на метле со стороны ведьм или огненных саламандр. А Эйю уже потихоньку начинал сомневаться, кто же он такой - ведьма или саламандра, право слово? Однако же когда нашлось место малоизвестным движениям для подтанцовки, то о требовании Мудрого Паласа все тут же как были, так и позабыли. Одним из мест великих миров был тот самый гиперкуб, через который просвечивало ярко-малиновое небо. Небо, конечно же, всегда было здесь малиновым, просто все давным-давно привыкли к другому цвету неба, поэтому и воспринимали его цвет по инерции привычки, никому и в голову придти не могло, что оно не лазурное вовсе, а очень и очень тут малиновое. Не может быть, думали все, что прям предвечный свет можно было бы взять, да вдруг и увидеть под сенью гиперкуба, однако освещение здесь действительно оказалось достаточно яркаим, как и большинство других из них в трансмутационных аудиториях-шалашах под крыльями ведьм на шабаше.

А вот тут вдруг объявилось чудо чудное да диво дивное. Эйю Гнолл поднял очи долу и пробормотал: “Сколько же людей обошло этот шалаш с дальнего конца? И он сам был человек или не человек, чья душа словно бы просвечивает из глубин бездонного колодца. Он

встретил суть самого себя, он встретил Эйю без границ и обрел этим отсутствие проблем, хоть сам был в кривом отражении отторженного им же самим изначального знания, к которому устремились ведьмы на шабаше. Он кричал рупором гласа того народа, что скакал с саламандрами возле волшебного костра, так что глупые охи-вздохи, повсеместно преследующие жизнь каждого человека, начинали рассыпаться прахом столетий, заливаясь свежим воздухом или просто шпатлевкой, или даже побелкой во внутрь пальмового пространства шалаша на шабаше.

Костер на Лысой горе кикимор начинал разгораться все более и более. Одна из ведьм клана Пикмерт принесла специально заготовленные ароматные специи с солью. Когда костер начал остывать, тогда всё, что можно было бы сделать, как раз произошло со всеми стихиями волей ведьм, в том числе и с сущностями-спутниками Эйю Гнолла: из огня вышло пламенное существо и превратилась странного человека средних лет в костюме, в происхождение которого Эйю с кланом саламандр и невидимых друзей решил не вдаваться, а самой главной чертой в огненном человеке была его практически полная неуязвимость.

Кикиморы мазались медом, перьями и листьями какого-то малоизвестного растения, напоминающего одновременно диковинную ель, чабрец и лавр, было бы между ними ещё хоть что-то общее. Квинтэссенция сфер всех указанных растений поразила совсем не столь уж близкие и не столь уж далекие гиперпространственные коридоры, ведущие вникуда. Ведьмы растирались также прочими маслами и зельями, чем, внепрямственно уже будучи хороши, становились ещё всё великолепнее и великолепнее на этом пиру ритуальных и почти что тантрических плясок всех ради всех, а некоторые из них ограничивались только питьём священного кикиморского варева, чем, конечно, отнюдь даже не были великолепнее остальных, не ленившихся петь и танцевать свои экстатически-трансговые заклятия магистральных сфер обаяний самих себя в безграничности свободы сознания.

Заданный каким бы то ни было образом вопрос, практически мгновенно возвращался прямо в руки шабашащихся ведьм, обращаясь в математически достоверную композицию расчётов. Костер давно уже расплавил крайне, просто до предела странную атмосферу, когда преображённый ритуалами и саламандрами Эйю высадился на поверхность земного шара в форме возрожденного тотема кикимор - белогривого манула, пушистого, как снежный шар в рыбью крапинку.

Итогом деятельности проводящих почти что целую церемонию

садоводов позиции был тот самый их тотемный кот с косою, явивший взору всех мир, закованный в железе, закалённом огнём условностей любящих подчинение и поклонение пылающих сущностей. Кот умел, подобно земноводным саламандр жаркого кикиморского костерка, выкрикивать себе глаза из орбит и прятать голову в пазы своего вечно бронированного сердечного мешка, да, время от времени, так и делал по застарелой многосоттысячелетней привычке в самом глубоком из достигаемых им снов, будто бы броненосец какой, черепаха или мягкий цветастый жук.

Мир зелени начинал ползать по деревьям и раскладывать навзничь на корнях каждого дерева вырезанные природой мистические символы и, представьте себе, руны скандинавских жителей. Дерево ведь и взаправду ничего не забывает. Всё, что происходило вокруг этого дерева, повлиявшего на рост мира, отразилось в тенях проекций, куда уходил всякий раз после церемониального экстаза ведьмацких ритуалов наш дикий Эйо Гнолл, и всё это можно было крайне внимательно разглядеть по сочетаниям складок брюк, штор и узорчатых мешчанских наволочек, стоящих себе где-то у славных, сложных и самых малоизученных аспектов процессов развития всех мировых алфавитов, включая и иероглифическое письмо.

Но мы же не поверим, что это алфавитное зарождение - то единственное, что может поведать всем нам мудрое дерево? Что же оно ещё может? Мир, растянутый и сорвавший все маски под напряжением действий помыслившего себя хозяином человека, все же не способен был вечно удерживаться восприятием дерева, уже не приходившем отныне в кикиморские сны таинственного подглядывания в нечто. Они выходили с темного или даже иссиня-черного куба, раздаваясь эхом ведьм и пламенем саламандр, закручиваясь в вихревые зигзаги по-прежнему ползущих периодическими то тангенсоидами, то котангенсоидами перламутровыми партиями энергетических линий катящихся клубочков, издав далеко похожих на махусеньких таких мышек. С краснющими такими глазищами. Вот.

Кикиморы, точно пионеры, были всегда готовы обуздать свою страсть к тому, чтобы не найти и даже не искать рабочую базу, которая была бы всем им по душе. Ясновидящие кикиморы услышали личное эхо, издаваемое Эйо, крайне рано утром. Неравнодушно обнаружили они совместно и абсолютно особенную неработку и нетыковку разнообразия, как внешнего, так и внутреннего. Сначала пришла идея погрохотать малёхо всякими там ударными инструментами: бубнами, барабанами, тамбуринами, там-тамами, ну и прочими гулко-звонкими

ухаками и бряцалками.

Эйо пел, и душа его затопила собой все болота вокруг Лысой горы, приходили представители кикимор из необыкновенных мест, поскольку для перемещения материи миров ипользоваться должны были часы собирания и разбираия, на которые могли бы ещё разориться только представители, но вот никак не сами кикиморы. В общем, шабаш достиг своей цели - особого дела особого, кикиморского, расширения осознания, не имеющего имени.

А уж как Эйо Гнолл-то был доволен, как доволен! Уж и подавно, хоть и не понял ничего!

*Белоусов Роман,
23 апреля 2012 года*